

УДК 94(470) «1920/1939» : 930.85

О. В. РАТУШНЯК,кандидат исторических наук,
доцент Кубанского государственного университета**КУЛЬТУРА КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(1920–1930)**

Цель статьи – показать основные аспекты проявления казачьей культуры и её роль в сохранении казачьего самосознания

Ключевые слова: казачество, казачье зарубежье, казачья культура.

UDK 94(470) «1920/1939» : 930.85

O. V. RATUSHNYAK,candidate of Historical sciences,
associate professor of Kuban State University**CULTURE OF THE COSSACK EMIGRATION
(1920–1930)**

Paper aims at presenting the main aspects of the manifestation of the Cossack culture and its role in preserving the Cossack identity.

Key words: Cossacks, Cossack emigration, Cossack culture.

Казачество было составной частью российской эмиграции, но в то же время имело свои особенности (в том числе стремление к самобытности), позволяющие выделять его как самостоятельное явление – Казачье зарубежье. Это явление имеет несколько характеристик, выделяющих его из российской эмиграции. Одна из таких характеристик – культура. И в этом плане можно отметить, что казачья культура внесла свой особый колорит как в культуру Русского зарубежья, так и в культуру принимающих стран.

Центрами казачьей интеллигенции были Белград, Варшава, Париж, Прага и София. Особое место в этом отношении занимала Прага. Здесь казаками были созданы Общество изучения казачества, Общество кубанских журналистов и писателей, Общество кубанцев в ЧСР и многие другие.

Среди казаков было немало талантливых писателей и поэтов: Г. Щавель, А. Пивень, В. Курганский, Н. Туроверов. Известный казачий общественный и научный деятель Ф. А. Щербина написал в эмиграции ряд художественных произведений, в том числе поэмы «Черноморцы» и «Богдан Хмельницкий» [1]. Большинство таких литературных произведений пронизывала тоска по Родине и вера в возвращение домой.

В публицистике затрагивались вопросы несколько иного плана: размышления о настоящем положении казачества на родине и в эмиграции, о причинах поражения в гражданской войне. Всё это было связано с попытками найти свой путь в сложившихся условиях.

Поиску своего пути в немалой степени должны были служить многочисленные журналы и газеты, в которых определённую долю материалов составляли публикации литературно-художественных и исторических произведений. В Праге издавался литературный и общественно-научный ежемесячник «Казаки», а в Париже выходил историко-литературный сборник «Кубанская старина и современность». Правда, в произведениях казачьих художников слова иногда сказывался недостаток профессионализма, что подмечали критики. Так, Иван Колесов (донской казак) в своей статье «Опыт критического разбора» писал: «Следя по журналам за произведениями казачьих поэтов невольно приходишь к мысли, что большинство из них, если не все, имеют очень туманное представление о законах стихосложения. Не только ритм, но и рифмы в их произведениях часто играют в чехарду! Неудивительно. Профессионалов среди них нет, да и не может быть. Стихи пишут только тогда, когда Божья искра, таящаяся в поэте, заставит его урвать кусочек времени от погони за куском хлеба и излить свои думы и переживания на бумагу» [2]. Далее он пишет, что, помимо нехватки времени, нет также и возможности учиться литературному мастерству при помощи книг: «Многие живут

настоящее время двинуть казачью поэзию вперёд и изучить её законы – делиться в журналах теми сведениями, какими кто располагает, подвергать разбору произведения казачьих поэтов и так, поправляя друг друга, изучать уже установившиеся законы стиха и создавать новые» [3].

Стремление творческой интеллигенции с помощью печатных изданий и живого слова делиться своими переживаниями и мыслями, да и вообще вести культурно-просветительскую работу в среде казаков-эмигрантов было связано с необходимостью поддерживать национальное самосознание казаков за рубежом, которое в отрыве от родины постепенно начинало гаснуть. «Слабая культурно-просветительская работа между казаками, находящимися в глухих деревнях, некрепкая связь с ними, даёт свои плоды, – отмечал журнал «Казачья земля», – у некоторых заметны признаки начавшейся ассимиляции с местным населением» [4].

Особенно быстрый процесс ассимиляции наблюдался в Болгарии, Чехословакии и Польше, что было связано в первую очередь с близким по культуре казачеству славянским населением этих стран. Способствовало ассимиляции и то обстоятельство, что почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, многие из которых были холостыми. Они оседали за границей, женившись на местных уроженках, и постепенно, утрачивая свои традиции, перенимали местные обычаи. Этому как раз и стремились противодействовать различного рода культурные организации и общества взаимопомощи казаков-эмигрантов. В частности, целью созданного в Чехословакии в 1921 году Общества кубанцев была «организация взаимопомощи кубанцев, проживающих в пределах ЧСР и состоящих членами общества, на почве трудовых и культурных интересов» [5]. Для достижения поставленной цели предполагалось, помимо всего прочего, устройство библиотек, общеобразовательных курсов и школ, издание книг и брошюр, проведение культурных вечеров. Подобные вечера проводились в основном в праздничные и воскресные дни на квартирах казаков, в казармах казачьих полков, в ресторанах и в помещениях, принадлежащих различным казачьим организациям. Основная цель таких мероприятий была культурно-досуговая: отдых в кругу соотечественников, общение на родном языке, обмен мнениями, сохранение традиций народа. Иногда вечерам придавался благотворительный характер, с тем, чтобы помочь либо отдельным казакам-эмигрантам и их семьям, либо казачьим организациям.

Вообще традиция проведения различного рода культурных вечеров была характерна для всей российской эмиграции, но казачество придавало ей особенный колорит. Вот как описывает подобные встречи профессор Гарримановского института Джон Хазард: «Долгое время казаки собирались в определённом районе Нью-Йорка на свои праздники, ежегодные собрания. Мужчины – в традиционной форме и с холодным оружием, женщины – в национальных одеждах, с красивыми причёсками. Их песни и танцы вызывали искреннее восхищение американцев» [6].

В немалой степени консервации самосознания казаков в эмиграции должны были способствовать сохранение и распространение знаний об их историческом прошлом. Такого рода задача стояла перед Донским казачьим архивом и Историческими комиссиями Всевеликого войска Донского и Кубанского казачьего войска, целью которых было не только собирание и публикация материалов и документов, касающихся жизни казаков за рубежом, но и сбор всего того, что относилось к истории Дона и Кубани.

По сведениям атамана Всевеликого войска Донского А. П. Богаевского и П. А. Скачкова, являвшегося заведующим Донским казачьим архивом, Архив представлял «учреждение, ставящее себе задачей: хранение, опись, классификацию и изучение имеющихся в нём материалов, как эвакуированных с Дона из Новочеркасска в 1919 году, так и поступающих вновь; привлечение новых материалов, касающихся Дона и других казачьих войск, как на правах собственности, так и передаваемых на хранение» [7]. Вывезенный весной 1920 года в Константинополь, Архив в 1921 году был перевезён в Белград, где хранился по распоряжению военного министерства Королевства сербов, хорватов, словенцев в белградской крепости. Здесь же, в Белграде, 20 марта 1923 года по распоряжению атамана Всевеликого Войска Донского А. П. Богаевского была учреждена Донская историческая комиссия. Ей ставилась задача «приступить к собиранию, обработке и изданию материалов по новейшей

истории Донского казачества со времени Русской революции 1917 г.». В 1924 году Донская историческая комиссия по поручению А. П. Богаевского возбудила ходатайство перед МИД ЧСР о перевозке Донского казачьего архива в Прагу, «как центр культурно-просветительской работы среди русской эмиграции, где он мог бы быть использован для историко-научных работ лицами, работающими в этой области» [8]. В начале 1925 года Донской казачий архив был перевезён в Прагу, где спустя 9 лет (в 1934 г.) вошёл в состав РЗИА в качестве Донского Казачьего отдела [9].

В целом в деятельности Донского казачьего архива и Донской исторической комиссии наблюдалось некоторое разделение функций. Так, если главной задачей первого являлись сбор и хранение материалов по истории донского казачества, то вторая ставила основной своей целью их публикацию [10].

В 1936 году была образована Историческая комиссия Кубанского казачьего войска, во главе которой в качестве председателя встал кубанский атаман В. Г. Науменко. В отличие от Донской исторической комиссии основной задачей Кубанской являлось собирание материалов по истории кубанского казачества и Кубани. Это различие в приоритетах связано, по-видимому, с тем, что у кубанцев не было за границей своего архива и его функции были возложены на Историческую комиссию Кубанского казачьего войска. После Второй мировой войны большинство собранных материалов было вывезено В. Г. Науменко в США, где впоследствии на их базе был основан Кубанский войсковой музей.

Большую роль в сохранении национального самосознания российских, в том числе и казачьих, эмигрантов играла церковь. Православие было нитью, связывавшей их с родиной. И не случайно, куда бы ни забрасывала судьба казаков, всюду создавались церкви или часовни. Многие казаки с удовольствием пели в церковных хорах. Причём в Болгарии, в Греции и в других странах многие местные жители приходили послушать и увидеть церковную службу, проводившуюся в казачьих церквях. В целом православие оставалось неотъемлемой частью культуры и быта казачества за рубежом [11].

Говоря о культуре казачьего зарубежья, нельзя пройти мимо такого самобытного явления, как знаменитые казачьи хоры. Первые зародились ещё на о. Лемнос в 1920–1921 году. Это были коллективы из кубанских казаков под руководством С. Ф. Шелухина и С. Г. Соколова. Совместно и по отдельности они в 1920-х годах гастролировали по Италии, Испании, Португалии, Франции, Мексике и США. Оба хора претендовали на звание Кубанского войскового хора [12].

Казачий хор сам по себе событие неординарное для жителей Европы и Америки. И не случайно в эмиграции казаками было создано немало групп певцов и танцоров, которые пользовались необычайно высоким успехом у западной публики. Были группы, состоявшие из одних певцов, так же как и группы, включавшие одних только танцоров. Однако чаще всего они выступали в смешанном составе. Конечно, группы довольно сильно различались по своей профессиональной подготовке, но некоторые из них были известны практически во всём мире. И в первую очередь это донской казачий хор имени атамана М. И. Платова, созданный в Праге в 1927 году. За время своего существования хор посетил со своими концертами более 65 стран. И везде, судя по газетным отчётам, имел громадный успех. Об успешной и плодотворной деятельности хора свидетельствует то, что буквально через два года, прошедших с момента его образования, он уже праздновал свой тысячный концерт. Вот как описывает это грандиозное событие один из его участников: «в самом большом и блестящем концертном зале Праге <..> состоялся юбилейный тысячный концерт донского хора имени генерала Платова. Огромный зал был переполнен. Многим не удалось попасть, за недостатком мест, на это редкое торжество. Присутствовал дипломатический корпус, представители русской иностранной печати, литературно-художественный мир Праги. Платовцы пели с большим подъёмом и изумительной стройностью. Публика встречала и провожала каждое выступление восторженными, долго несмолкаемыми рукоплесканиями» [13]. С 1931 года хор выступал и работал в основном в США по контракту с компанией «Коламбия концерт корпорейшн», с помощью которой издал много граммофонных пластинок. Большая заслуга в создании хора и в его долголетней успешной работе принадлежит его организатору и руководителю Н. Ф. Кострю-

кову. Не имея специального музыкального образования, он был талантливым любителем-самородком.

Не менее известен западной публике (не говоря уже о казаках) был донской казачий хор, руководителем и организатором которого являлся С. А. Жаров. Об этом говорит тот факт, что в 1981 году С. А. Жаров был торжественно введён в русско-американскую палату славы, основанную конгрессом русских американцев «для чествования выдающихся русских деятелей, внёсших значительный вклад в науку, технику, литературу, искусство и общественную жизнь США» [14].

В первой половине 1920-х годов в Югославии получил широкую известность кубанский хор под руководством А. А. Таранца, в состав которого входили и несколько танцоров, вызывавших своими выступлениями бурю восторга у европейской публики. А в 1930-е годы в той же Югославии успехом пользовался хор А. П. Чёрного, созданный в Белграде при Общеказачьей станице имени кошевого атамана С. Белого [15].

Было много других менее известных коллективов, которые самим фактом своего существования, своей деятельностью способствовали сохранению казачьего самосознания в тяжёлых условиях эмиграции. Наиболее подробное описание казачьих хоров сделал ростовский исследователь К. Н. Хохульников.

Составной частью культуры казачества являлась джигитовка. Особую известность получили группы кубанских джигитов под руководством генерала И. Д. Павличенко и есаула И. Н. Сиволобова. Джигитовка, как и казачьи песни, можно сказать, явились открытием для западной публики. Впоследствии казаки чаще стали создавать смешанные группы, что давало возможность познакомить западного зрителя сразу со всем спектром казачьей самобытной культуры. Так, в состав группы сотника С. И. Проценко входило 50 джигитов, 35 певцов, 30 музыкантов и 5 танцоров. Яркие выступления донских и кубанских джигитов привлекли внимание продюсеров американских киностудий. В конце 1920-х годов в Голливуде было поставлено несколько фильмов с участием казаков, в том числе «Воскресение» и «Казаки» по Л. Н. Толстому и картина «Последний бой», где казаки исполнили роль индейцев [16].

В целом среди казаков-эмигрантов было немало художников, скульпторов, актёров, учёных, внёсших свой вклад в культуру зарубежных стран и российской эмиграции. При этом представители казачьей диаспоры пытались сохранить свои уникальные культурно-бытовые традиции, имевшие особенный неповторимый колорит.

Литература

1. Кавказский казак. 1932. № 6. С. 29.
2. Казакия. 1934. № 2. С. 15.
3. Казакия ...
4. Казачья земля. 1929. № 2. С. 4.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.
6. Казачьи вести. 1995. № 9. С. 8.
7. ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 81. Л. 179–179об.
8. Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928. С. 52–53.
9. Русский заграничный исторический архив при МИД ЧСР в 1936 г. Прага, 1936. С. 42–43.
10. ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 136. С. 3а.
11. Ратушняк О. В. Казачье зарубежье и церковь // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 4. С. 67–69.
12. Хохульников К. Н. Кубанские казачьи хоры в эмиграции // Культурная жизнь Юга России. 2003. № 1. С. 20.
13. Казаки. 1929. № 1. С. 32.
14. Русский американец. 1995. № 20. С. 112.
15. Хохульников К. Н. Кубанские казачьи хоры в эмиграции ... С. 21.
16. Солодухин Г. Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962. С. 85, 90–92.

References

1. Kavkazskiy kazak [Caucasian Cossack]. Belgrade, 1932. № 6. S. 29.
2. Kazakiya [Kazakiya]. 1934. № 2. S. 15.
3. Kazakiya ...
4. Kazach'ya zemlya [Cossack land]. Prague, 1929. № 2. S. 4.
5. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsiy [State archive of the Russian Federation] (GARF). F. 5881. Op. 2. D. 879. L. 1.
6. Kazach'i vesti [Cossack lead]. 1995. № 9. S. 8.
7. GARF. F. 6532. Op. 1. D. 81. L. 179–179об.
8. Russkie v Prage [Russians in Prague]. 1918–1928. Prague, 1928. S. 52–53.
9. Russkiy zagranichnyy istoricheskiy arhiv pri MID CHSR v 1936 g. [Russian Foreign Ministry historical archive of the MID CHSR in 1936 g.]. Prague, 1936. S. 42–43.
10. GARF. F. 6532. Op. 1. D. 136. S. 3a.
11. *Ratushnyak O. V.* Kazach'e zarubezh'e i tserkov' [Cossack abroad and the Church] // *Cul'turnaya zhizn' Yuga Rossiy.* 2014. № 4. S. 67–69.
12. *Hohul'nikov K. N.* Kubanskiye kazach'i hory v emigratsiy [Kuban Cossack choirs at expatriates] // *Cul'turnaya zhizn' Yuga Rossiy.* 2003. № 1. S. 20.
13. Kazaky [Cossacks]. 1929. № 1. S. 32.
14. Russkiy amerikanets [Russian American]. New York, 1995. № 20. S. 112.
15. *Hohul'nikov K. N.* Kubanskiye kazach'i hory v emigratsiy ... S. 21.
16. *Solodukhin G.* Zhizn' i sud'ba odnogo kazaka [Life and fate of a Cossack]. New York, 1962. S. 85, 90–92.

